

«СИЯЕТ В ОБЛАКАХ НЕВЗЯТАЯ ВЕРШИНА»

Мы устали от слов. Как мусорные баки, мы были набиты шелухой полуправды и полулжи, обрывками расхожих фраз, обещаниями красивых обещаний. Наши души дремали, уже давно не отзываясь на трубные возгласы ораторов любых мастей. И вот на эту-то совсем не благодатную почву, иссушенную неверием и апатией, как снег на голову в один прекрасный день свалился Борис Драгилев, поэт и бард.

Он вошел с гитарой, сел и начал петь.

...Что было там

в восьмидесятых
И в девяностые года?

Стучач тогда попал

к распятым,
Ну а товарищ в господа!

Медали продавали на базаре,
В пивнушках пропивали

ордена,

И девочки дрались
В валютном баре

За очередь к японцам
в номера.

Тогда на митингах орали.
И кто горластей,

шел во власть.
И до него что не украли,
Безбожно принимался

красть...

Певец переводил наши времена в разряд истории, которую будут изучать потомки в двадцать первом веке. И мы вместе с ним смотрели на сиюминутную жизнь, на ее раздрызганность и ущербность чуть по-новому.

Песня звучала за песней. Порой мы даже не успевали прийти в себя от одного эмоционального удара, как за ним следовал другой, еще более сильный.

Четыре или пять часов спустя Борис поднялся, произнес своим низким глуховатым голосом: «Спасибо, вы очень хорошо слушали». После его ухода мы, десяток человек, собравшихся на импровизированную встречу, долго молчали. Ощущение было такое, словно нам отворили души, — так в старину медики в лечебных целях, надрезая вену, «отворяли» кровь.

Не образы, а люди — живые, из плоти и крови — населяли мир его песен: согнувшаяся от горя тетья Маня, у которой сын в Афгане сгинул, герой Берлина дядя Вова, отоваривающий ко Дню Победы талон на водку в спецмагазине, старушка, привыкшая за долгий свой век терпеть ли-

шения и не сетующая на унизи-тельно нищенскую пенсию.

Жизнь этих людей разворачивалась на фоне далеких от них маркетинга, лизинга, банкетов, рулеток казино... Борис пел о мальчонке с вечным голодом на лице, о смертной тоске эзика, путившегося в бега, о семействе обывателей, у которых в жизни ничего не может быть нового — «ни праздник, ни траур, поет Розенбаум, эрдель для забавы и мясо в зубах», о водителе Севе Сидорове, замерзающем в пути на Севере, о заключенных, толпящихся у окошка для передач, о «валютной» красавице... Тревожные интонации сменялись шутливыми, крик угасал в шепоте, чтобы с гитарными аккордами вновь подняться до крика...

После первой встречи с Борисом Драгилевым мы поняли, что расстаться с ним будет трудно. Но где еще раз можно было услышать его? Познакомившись с Борисом поближе, узнали, что он в постоянных разъездах. Пел старателям Бодайбинской артели, заключенным северных лагерей, студентам сибирских городов, жителям разрушенного землетрясением Спитака... Выступал Драгилев и в центральных залах Москвы и Санкт-Петербурга. Но жаль, что эти встречи бывают крайне редко.

А еще мы узнали, что родился и вырос Борис в Иркутске, где у него, как и у Высоцкого, в юности была своя «улица» — с жесткими законами, драками за справедливое дело, гитарой и дружбой «до гробовой доски», где стал писать стихи. Все это, впрочем, не помешало Борису

окончить институт, аспирантуру и стать кандидатом технических наук. Сыграла свою роль с детства выработанная привычка любое дело доводить до конца. Но уже в день защиты он пел друзьям:

Оваций гром не оглушил
меня, да и с чего бы,

Я просто сделал, что решил,
заслуги нет особой.

А почему спешил я так?

Была на то причина:
Сияет гордо в облаках
невзятая вершина.

И — навсегда покончил с благополучной и размеренной жизнью сотрудника НИИ, еще до того, как она успела начаться.

В 1990 году в Восточно-Сибирском издательстве вышел поэтический сборник Бориса Драгилева «Преступное занятие». У него записаны два магнитных альбома. «Слов оживших гора и песен» — так говорит поэт о своем материальном достатке в одном из стихотворений. Каков он в песнях, таков и в жизни: «...Я не имею права хуже быть того, о ком пою». И не случайно в его творчестве так много героев с сильным характером.

Конечно, мы с Борисом много говорили о Высоцком — его тень незримо присутствовала во всех наших встречах. Драгилев не приемлет эпитонства, а подражателей Владимиру Семеновичу было и есть немало: копируют голос, интонационную манеру, «накладывая» их на пустые, а нередко и откровенно пошлые тексты. У Бориса Драгилева свой собственный голос, своя интонация. Хотя сходство у двух поэтов есть. В отношении к жизни, выбору темы... Наверно, не так уж случайно люди, бывшие друзьями Высоцкого, сегодня, оставаясь верными памяти Владимира, стали своими в доме Бориса — Вадим Туманов, Владимир Шехтман.

— Владимир Высоцкий возделал огромное поле, — говорит Драгилев, — оно взрастило и меня.

Борис берет гитару и палеваат:

Ведь он не все, ведь он не
все успел сказать.

Вы подождите,
вы послушайте чуть-чуть,

Что я пою,
Что я пою,

Что я пою...
Нелли ГОРЯЧЕВА,
Марина МАЦКЯВИЧЕНЕ.